

ЕВРЕИ ДОНА В XIX — НАЧАЛЕ XXI в.: ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

С.Я. Суший

Сергей Яковлевич Суший | <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> | SS7707@mail.ru | д. филос. н., главный научный сотрудник | ФГБУН “Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН” (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Ключевые слова

евреи Донского края, региональная община, демографическая динамика, половозрастная структура, воспроизводственный процесс, система расселения, ассимиляция, смешанное население

Аннотация

В статье анализируются воспроизводственные, миграционные процессы, количественная, пространственная, половозрастная динамика еврейского населения Донского края. Зафиксированы основные этапы геодемографической эволюции донских евреев в XIX — начале XXI в., изучены особенности системы их расселения, гендерной структуры в городах и сельской местности. Установлено, что уже в начале XX в. высокий уровень урбанизации и социокультурной модернизации активизирует процесс ассимиляции евреев Дона. Демографические потери в годы Великой Отечественной войны предопределили ускоренное сокращение общины в послевоенный период, еще более усилив ассимиляционные тенденции. Среди последствий нарастающей с 1920–1930-х годов ассимиляции отмечаются абсолютный рост и удельное расширение региональной группы смешанного населения с еврейскими корнями, не фиксируемого официальной статистикой. Для отдельных этапов геодемографической эволюции XX — начала XXI в. выполнена оценка этой латентной компоненты. Установлено, что к концу XX в. она многократно превосходила размеры этнического ядра областной общины, а в последние 20–30 лет становится все более значимым фактором демографического воспроизводства и социокультурной жизнедеятельности еврейского населения Дона.

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание Южного научного центра РАН [№ регистрации проекта 122020100349-6]

Донские евреи представляют одну из старейших региональных групп еврейского населения России, становление которой пришлось на первую половину — середину XIX в. Особенности административно-территориального деления Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья, в то время самого восточного выступа зоны оседлости, фактически ее отдельного “острова” в

Статья поступила 25.05.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.08.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Суший С.Я. Евреи Дона в XIX — начале XXI в.: геодемографическая динамика и воспроизводственные процессы региональной общины // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 151–179. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010089> EDN: YDVTXH

Suschiy, S.Y. 2024. Evrei Dona v XIX — nachale XXI v.: geodemograficheskaya dinamika i vosproizvodstvennye protsessy regional'noi obshchiny [Jews of the Don in the 19th — Early 21st Century: Geodemographic Dynamics and Reproductive Processes in a Regional Community]. *Этнографическое обозрение* 1: 151–179. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010089> EDN: YDVTXH

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

составе области Войска Донского (далее ОВД), предопределили быструю концентрацию здесь еврейского населения. На территории, занимаемой сегодня Российской Федерацией, донские евреи с середины XIX в. до конца 1930-х годов являлись крупнейшей региональной группой, а позднее неизменно оставались в числе наиболее многочисленных еврейских общин России.

Однако, несмотря на значимое место евреев Дона в истории российского еврейства и в социально-экономической и культурной жизни своего региона, количество посвященных им исследований остается ограниченным. Интерес специалистов фокусировался прежде всего на истории общин Ростова-на-Дону и Таганрога, крупнейших средоточий еврейского населения Донского региона (*Гонтмахер* 1999; *Маркедонов* 2007; *Мовшович* 2006; *Отерштейн* 1999; *Соколова* 2003). В центре внимания находились и ключевые эпизоды развития донской общины, в том числе в период включения Нижнего Подонья в состав ОВД (*Сущенко, Ковынева* 2018; *Перетяцько* 2020) и в годы Великой Отечественной войны (*Войтенко* 2005; *Кеворков* 2020; *Мовшович* 2002).

Непосредственно демографические и расселенческие аспекты исторической динамики донских евреев еще не становились объектом специального изучения. Между тем диахронный геодемографический анализ этой крупной региональной группы позволяет уточнить особенности естественного воспроизводства и исторической расселенческой динамики еврейского населения Дона и всего юга России, зафиксировать временные рамки и масштабы распространения в еврейской среде ассимиляционных тенденций, дает возможность оценить современную ситуацию в региональной общине и сделать ряд предположений о демографических перспективах еврейского населения всей России.

В качестве аналитико-экспертной базы изучения донской общины имперского периода использовался широкий круг источников, в том числе данные региональных статистиков, Памятные книжки ОВД и Екатеринославской губернии (далее ЕГ), ежегодные отчеты войсковых наказных атаманов, общеимперские и региональные сборники статистики, данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Геодемографическая и миграционная динамика еврейского населения Дона советского и постсоветского периодов анализировалась на основании результатов переписей XX – начала XXI в., материалов современных специалистов Е.А. Войтенко, М.А. Гонтмахера, М.М. Кеворкова, Е.В. Мовшовича, а также результатов проведенного нами геоэтнодемографического исследования четырех поколений группы еврейских семей Донского региона (1920–2010-е годы). Для оценки показателей естественного воспроизводства в донской общине и расчета динамики регионального населения с еврейскими корнями в XX – начале XXI в. привлекались статистические ряды, аккумулированные в монографии В. Константинова (2007) и расчетные данные А.Г. Волкова (1989).

Исследуя динамику еврейской общины Дона имперского периода необходимо принимать в расчет существовавший в то время принцип этноконфессионального учета населения. В этнодемографических разделах статистических сборников, ведомственных документов, региональных исследований фиксировались группы населения различной конфессиональной принадлежности. В перечисленных выше источниках была представлена и количественная информация о лицах еврейского (иудейского) вероисповедания. Учитывая сохранявшийся на протяжении почти всего XIX в. традиционный характер еврейского населения Дона, численность иудеев можно использовать в качестве основного

показателя количественной динамики региональной еврейской общины. Тем более что иудействующие сектанты Дона (этнические неевреи) относились статистикой к христианам-раскольникам, а численность караимов, учитывавшихся в группе населения “еврейского вероисповедания”, была незначительной (в 1890–1916 гг. составляла 0,5–1,0% от группы; 90–170 человек в последней четверти XIX – начале XX в.) (см.: Отчеты 1880–1916).

Следует иметь в виду и то, что к концу имперского периода конфессиональный принцип учета еврейского населения приобретал все более формальный характер, в действительности же реализовывался этнонациональный подход. Это становится очевидным в 1900–1910-е годы, когда все более заметная часть донских (и в целом российских) евреев, в процессе активной модернизации полностью утратившая религиозность, по-прежнему продолжала учитываться статистикой в группе иудеев. Тем самым количественные данные об иудейском населении Дона в отчетах наказных атаманов, в памятных книжках ОВД, других региональных информационных источниках начала XX в. фиксировали именно численность местного еврейского населения, определенную по этнонациональному признаку (за вычетом локальной группы караимов). Это обстоятельство обеспечивает корректность сопоставления данных имперской статистики и советских и постсоветских переписей, в которых еврейское население Дона учитывается по своей этнической принадлежности (фактически по национальному самоопределению опрашиваемых) (*Воробьев* 1957: 27–28).

Первые стадии развития общины (время “демографического бума”): начало XIX в. – 1880-е годы

Отдельные представители еврейского народа появлялись на Дону задолго до XIX в. Прежде всего это были торговые люди. Известно и об “оказачивании” попадавших в регион евреев, хотя это случалось значительно реже, чем в Запорожской Сечи. На рубеже XIX в. отдельные еврейские семьи уже проживают в Таганроге и Ростове-на-Дону (*Мовшович* 2006: 25). Число евреев на донской земле постепенно растет и уже в 1810-е годы достигает нескольких десятков человек. Однако установить точные размеры и определить количественную динамику еврейского населения Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья в первые десятилетия XIX в. едва ли возможно, поскольку помимо постепенно прибывавшего в субрегион торгово-ремесленного населения в местных городах было достаточно много кантонистов, в том числе евреев, статистических данных о которых не сохранилось. Не вызывает сомнения только сам факт достаточно быстрого демографического роста региональной группы, происходивший за счет притока мигрантов с территории белорусских, малороссийских губерний и Царства Польского – основных ареалов расселения евреев в пределах Российской империи. Средоточиями еврейского населения Дона являлись два ведущих городских центра – Таганрог и Ростов-на-Дону (далее Ростов). Но если в первые десятилетия XIX в. более крупной была таганрогская община, то уже в 1840-е годы демографическое и социально-экономическое лидерство переходит к стремительно растущей группе ростовских евреев.

Как уже отмечалось, погрешность оценки количественной динамики еврейского населения Дона имперского периода по конфессиональному, а не этни-

ческому признаку минимальна. Значительно большими могли быть неточности другого рода: сведения о численности евреев Дона и отдельных его центров, приводимые в разных имперских источниках одного времени, заметно расходились в зависимости от способа сбора информации. К примеру, данные полицейского учета и учета по домовым книгам отличались на 5–10% (Смирнов 1905: 7). Так, по сведениям офицеров Генерального штаба, число ростовских евреев составляло 2252 человека (в 1857 г.), а таганрогских – 380 человек (в 1860 г.) (Материалы 1862: 321; 335, 341). Несколько иные цифры дает Памятная книжка ЕГ, согласно которой численность ростовской общины в 1859 г. составляла 1724, таганрогской – 577 человек (Памятная книжка ЕГ 1860: 19–20)¹ (см.: Рис. 16).

Но для нас в данном случае важно, что в 1840–1850-е годы ростовская община выросла на порядок, а таганрогская в несколько раз. Во второй половине 1850-х годов евреи составляли 8–11% жителей Ростова (вторая после русских этническая группа города) и 1,5–2,0% жителей Таганрога.

Очевидно, что этот взрывной рост на 80–90% обеспечивался миграционным притоком (см.: Рис. 2в). Для обоих городов середина XIX в. была периодом демографического бума. И евреи являлись его полноценными участниками. Но если стремительно растущее от притока трудовых мигрантов население обоих центров в это время в целом характеризовалось отчетливым мужским перевесом (в 1859 г. на 100 женщин в Ростове приходилось 132,5, в Таганроге – 128,4 мужчин), то еврейские общины отличал сбалансированный гендерный состав (соответствующие показатели: 97,7 и 107,5 мужчин на 100 женщин) (рассчитано по: Памятная книжка ЕГ 1860: 19–20) – свидетельство семейного характера переселения, позволявшего быстрее укореняться на новом месте. Максимальной была и ориентация евреев на города: в конце 1850-х годов из 2,44 тыс. представителей донской общины 96% были горожанами (см.: Рис. 1а).

Устойчиво высоким у евреев Дона в середине века был и среднегодовой показатель естественного прироста (20–25‰), что указывало на сохранение традиционного типа воспроизводства, отличительными чертами которого являлись высокие уровни рождаемости и смертности, а также значительный удельный вес младенческой и детской смертности. По уровню репродуктивной активности евреи превосходили армянскую общину Нижнего Подонья и были сопоставимы с православным населением, но при этом отличались более низкой смертностью. Однако 55–65% умерших в 1860-е годы донских евреев составляли дети до пяти лет (в т.ч. около четверти – не достигшие одного года) (см.: Рис. 2г).

Заметные различия между евреями Дона и другими этноконфессиональными группами региона обнаруживались в помесечной динамике воспроизводственных показателей, коррелировавшей с внутригодовой пульсацией брачности и сезонной интенсивностью трудовой деятельности взрослого населения. Для еврейской общины, занятой в торговле и ремесле, была характерна гораздо более плавная динамика данных показателей, чем для местного православного населения и армянской общины.

Уровни рождаемости и смертности по месяцам одного года у евреев в середине 1860-х годов отличались в 1,5–1,8 раз, у православного населения и армян – в 2,0–2,2 и 2,6–3,0; различия сезонного уровня брачности были соответственно 1,6-; 5,6- и 6-кратными (данные на 1867 г. [по Временнику за 1872 г.]; рассчитано по: Временники 1867–1872).

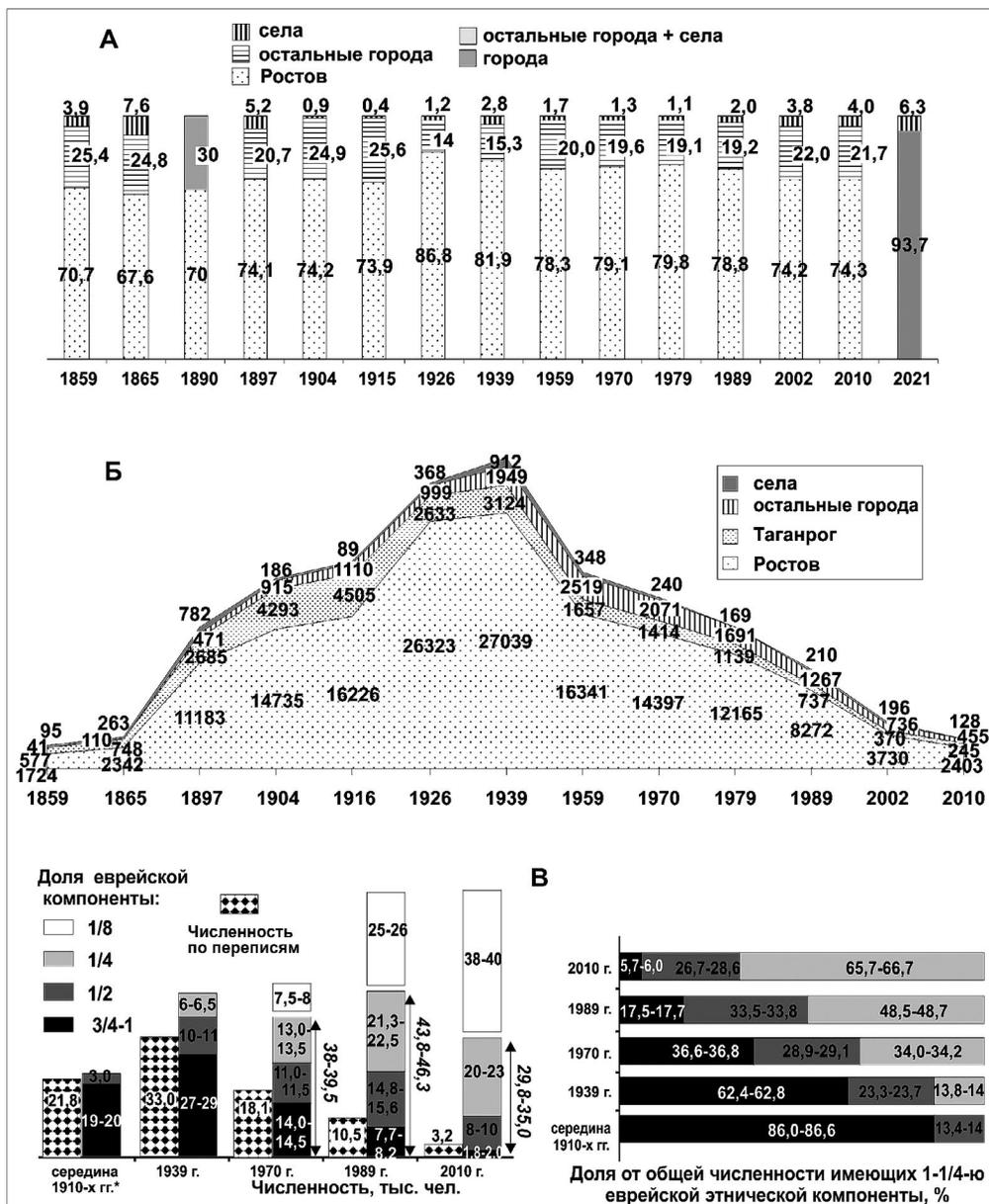

Рис. 1. Количественная динамика региональной общины, ее отдельных территориальных групп и населения с еврейскими корнями

А. Доля в еврейском населении Дона (%) (Расчитано по: Города России 1904; Отчеты 1880–1916; Памятная книжка ЕГ 1860, 1867; Перепись 1897; Всесоюзные переписи 1926–1989; Всероссийские переписи 2002–2021). **Б.** Численность евреев Дона (чел.) (Расчитано по: Города России 1904; Отчеты 1880–1916; Памятная книжка ЕГ 1860, 1867; Перепись 1897; Всесоюзные переписи 1926–1989; Всероссийские переписи 2002–2021). **В.** Динамика численности евреев Дона и населения еврейскими корнями, середины 1910-х – 2010-е годы (тыс. чел., %) (Расчеты автора)

* Для 1910-х годов данные демографического учета

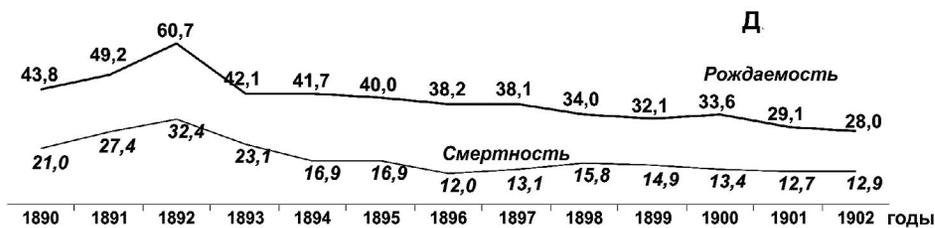
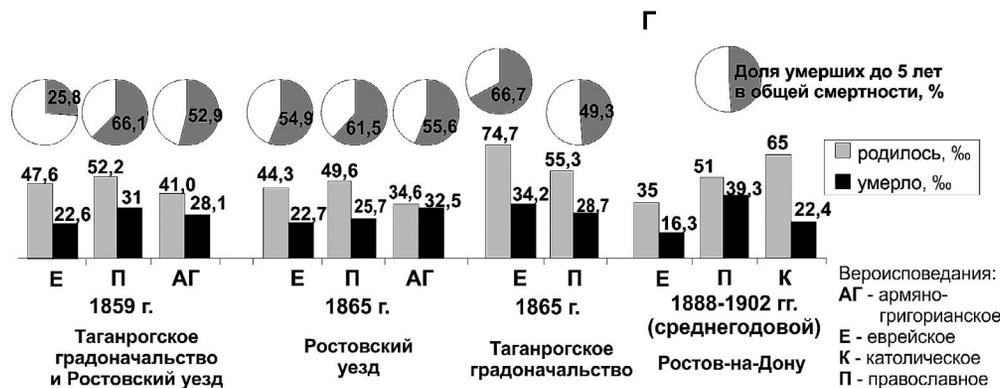
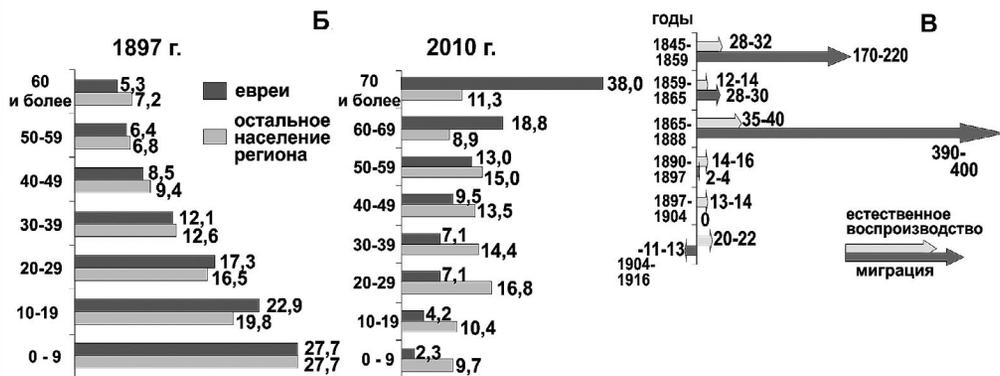
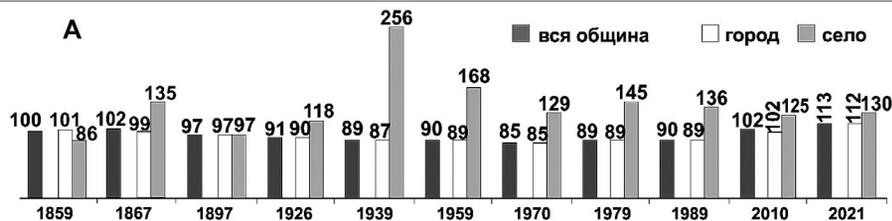

Рис. 2. Половозрастная структура и воспроизводственные показатели еврейского населения Дона

А. Гендерное соотношение у еврейского населения Дона (число мужчин на 100 женщин) (чел.) (Рассчитано по: Памятная книжка ЕГ 1860, 1867; Перепись 1897; Всесоюзные переписи 1926–1989; Всероссийские переписи 2002–2021). **Б.** Возрастная структура (%) (Рассчитано по: *Гонтмахер* 1999; Перепись 1897; Всесоюзные переписи 1926–1989; Всероссийские переписи 2002–2021). **В.** Компоненты демографической динамики общины Дона, 1845–1916 г. (%) (Рассчитано по: *Гонтмахер* 1999; Отчеты 1890–1916; Памятная книжка ЕГ 1860, 1867; Перепись 1897; Всесоюзные переписи 1926–1989; Всероссийские переписи 2002–2021). **Г.** Воспроизводственные показатели представителей различных этноконфессиональных групп Нижнего Подонья, 1850–1900-е годы. (Рассчитано по: Памятная книжка ЕГ 1860, 1867; Памятная книжка Таганрогского 1865: 26–28; *Смирнов* 1905: 7–8, 44–45). **Д.** Воспроизводственные показатели еврейского населения Ростова-на-Дону, 1890–1902 г. (%) (Рассчитано по: *Смирнов* 1905: 7–8, 19, 44–45)

Несмотря на то что ростовско-таганрогский еврейский анклав находился в окружении казачьих земель, евреев на территории ОВД до начала 1860-х годов практически не было. В детальном статистическом исследовании казачьего региона Н. Краснова евреи вообще не упоминаются среди этнических сообществ ОВД (Материалы 1863). Но, учитывая стремительный рост еврейской общины Нижнего Подонья в середине XIX в., проникновение трудоактивного, квалифицированного еврейского населения в пределы ОВД было вопросом времени. Тем более что с началом пореформенного периода практика поселения в станицах “полезных иногородних” заметно расширилась, а среди приезжих появлялись и первые еврейские семьи (*Гутман* 2004). Спусковым крючком данного процесса стало подключение казачьего региона к формирующейся в центральной части империи системе железнодорожного сообщения. Подряд на строительство железной дороги от Грушевки (совр. г. Шахты) до Воронежа в 1867 г. получает сотрудничавший с войсковой администрацией С.С. Поляков, крупный промышленник еврейского происхождения (*Перетяцько* 2020: 2611). В 1868–1870 гг. им же осуществляется прокладка дороги Курск–Харьков–Таганрог с веткой до Ростова-на-Дону. В строительстве принимают активное участие евреи – специалисты и – позднее – обслуживающий персонал, они концентрируются на местных железнодорожных станциях. Общая численность евреев в ОВД за период 1867–1873 гг. вырастает на порядок: с 75 до 717 человек (*Гонтмахер* 1999) (см.: Рис. 3а). Учитывая расположение железных дорог в казачьем регионе, можно утверждать, что еврейское население заходило со стороны ростовско-таганрогского ареала; практически полностью (696 чел.) оседала в трех западных округах – Донецком, Миусском и Черкасском (см.: Рис. 3б).

Однако прочно закрепиться в ОВД евреям не удалось. После ухода с должности наказного атамана М.И. Черткова, женатого на еврейке и покровительствовавшего еврейскому бизнесу, последующие войсковые администрации относились отрицательно к присутствию евреев в регионе (*Перетяцько* 2020: 2614–2616). Уже во второй половине 1870-х годов региональная власть, возглавляемая Н.И. Святополком-Мирским, выражала серьезную озабоченность тем, что под покровительством железнодорожной администрации евреи стали во множестве селиться в ОВД, постепенно захватывая в свои руки местную торговлю. Стремление донских властей оградить казаков-предпринимателей от успешных “инородцев-конкурентов” нашло полное понимание в Военном министерстве и отразилось в Законе

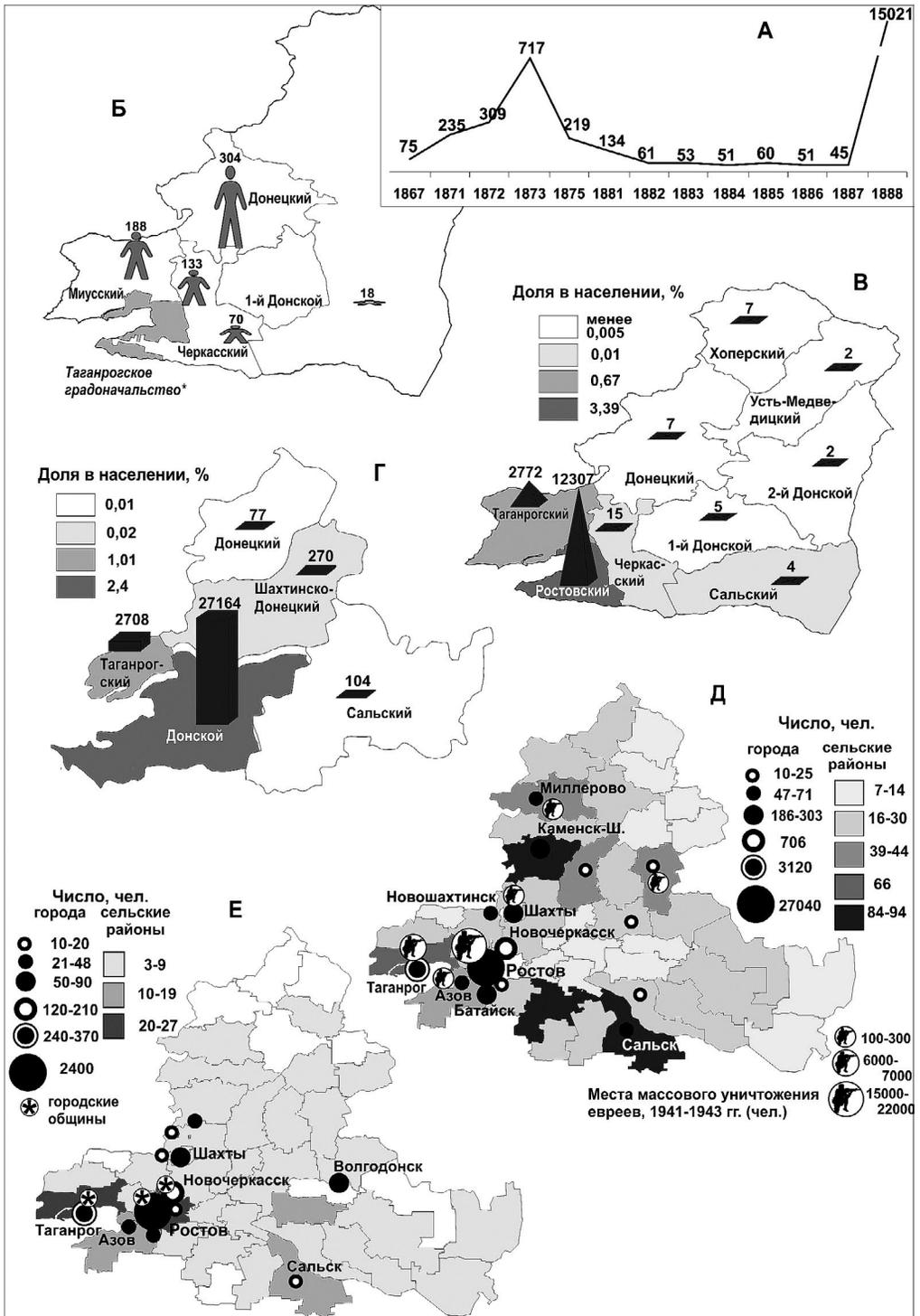

Рис. 3. Пространственно-расселенческая динамика донской общины, 1870–2010 годы

А. Динамика еврейского населения ОВД, 1867–1888 гг. (чел.) (Составлено по: *Гонтмахер* 1999; Памятные книжки ОВД 1870–1916). **Б.** Евреи в ОВД, 1873 г. (чел.) (Составлено по: *Гонтмахер* 1999). **В.** Евреи в ОВД, 1897 г. (чел., %) (Рассчитано по: Перепись 1897). **Г.** Евреи в пяти донских округах Северо-Кавказского края, 1926 г. (чел., %) (Рассчитано по: Всесоюзные переписи 1926–1989). **Д.** Евреи Ростовской области, 1939 г. (чел.) (Рассчитано по: Всесоюзные переписи 1926–1989; *Войтенко* 2005; *Мовшович* 2002). **Е.** Евреи Ростовской области, 2010 г. (чел.)

от 22 мая 1880 г., согласно которому евреям воспрещалось жительство в регионе, а также приобретение в собственность и содержание в найме или аренде недвижимого имущества (*Маркедонов* 2007). Исключение делалось для лиц с высшим образованием и находившихся на государственной службе. Хотя в теории закон не носил исключительно “запретительного” характера, предполагая проведение избирательной политики в отношении евреев ОВД, в реальности он обернулся их массовым выселением из региона, поскольку подавляющее большинство евреев не соответствовало заданным критериям. К середине 1880-х годов, как свидетельствуют Отчеты войсковых наказных атаманов, еврейское население ОВД сократилось до 50–60 человек (см.: Отчеты 1880–1916).

Между тем “восходящая” демографическая динамика общины ростовско-таганрогского ареала сохраняла свой линейный характер. За первые 20 лет пореформенного периода численность евреев выросла еще в несколько раз и во второй половине 1880-х годов достигла на Нижнем Дону 15 тыс. человек. Сами темпы указывали на сохранение доминанты миграционного притока (естественное воспроизводство обеспечило в 1870–1880-е годы не более десятой доли демографического роста общины) (см.: Рис. 2в). Этот процесс был остановлен только решением имперских властей включить в 1887 г. территорию Ростовского и Таганрогского уездов в состав ОВД. В результате еврейское население казачьего региона одномоментно увеличилось в 330 раз (см.: Рис. 3а). Столь же резко изменилось соотношение факторов демографической динамики донской общины: она утратила возможность быстрого количественного роста, обеспеченного неконтролируемым миграционным притоком. А для региональных властей “еврейский вопрос”, казалось бы, решенный несколькими годами ранее, актуализировался в куда более острой форме.

Период пульсирующей динамики с доминантой демографического роста (1890–1930-е годы)

В постановлении Государственного совета Российской империи (19 мая 1887 г.), посвященном административному переподчинению Ростовского и Таганрогского уездов, указывалось, что евреям, уже поселившимся на передаваемых в ОВД территориях, “разрешается оставаться и впредь в избранных ими местах жительства. Притом лица сии продолжают пользоваться всеми принадлежащими им правами” (Памятные книжки ОВД 1870–1916: 1888. Ч. 2. С. 151). Но донская администрация, возглавляемая Н.И. Святополком-Мирским, заняла куда более жесткую позицию. На протяжении ряда лет планомерно дополняя и расширяя действующие ограничительные меры, местные власти добиваются значительного оттока еврейского населения, констатируя при этом, что его пол-

ное выдворение из региона “нежелательно, так как эта мера может невыгодно отразиться на торгово-промышленной деятельности присоединенных городов, а значит и почти всей области” (ОР РНБ. Л. 5; цит. по: *Перетятко* 2020: 2614).

Внутренняя противоречивость позиции администрации ОВД, желавшей избавиться от евреев, но понимавшей их значимую роль в торгово-экономическом развитии Дона, отражалась на динамике еврейского населения региона. И если в 1891–1892 гг. община сократилась на четверть (до 11,5–12 тыс. человек), то уже к середине 1890-х годов полностью восстановила свои размеры (*Смирнов* 1905: 10–11), что свидетельствует о возвращении основной массы покинувших регион несколькими годами ранее. Свою лепту внесла и Городская Дума Ростова, возглавляемая А.М. Байковым, выступившая в защиту еврейской общины города (*Маркедонов* 2007).

Перепись 1897 г. обнаруживает в ОВД 15,12 тыс. евреев по языку и 15,98 тыс. иудеев (из которых соответственно 11,14 и 11,84 тыс. приходилось на Ростов) (Перепись 1897). Но в Отчете войскового наказного атамана за этот год фигурирует более значительная цифра – 17,72 тыс. иудеев (см.: Отчеты 1880–1916). Расхождение отчасти связано с тем, что в числе донских иудеев переписью были учтены местные караимы и представители иудействующих религиозных групп. Но общая численность тех и других во второй половине 1890-х годов на Дону была незначительной: в 1897 г. караимов насчитывалось 130 человек, иудействующих – 38² (Там же). Основной причиной количественного перевеса иудеев над евреями по языку в ОВД был начавшийся процесс культурно-языкового обрусения части евреев Дона, проявившийся прежде всего в Ростове. Как результат: в сельской местности региона эти две группы количественно практически совпадали; в Таганроге число иудеев было больше, чем евреев по языку на 1,3%, а в Ростове (с максимальным уровнем аккультурации еврейского населения) – на 6,0% (рассчитано по: Перепись 1897).

В конце XIX в. евреи являлись шестой по численности этнической общностью ОВД (второй в Ростове, третьей в Таганроге). Как и прежде, еврейское население отличали предельно высокий уровень урбанизации (94,8%) и поселенческая “центро-стремительность” – ориентация на Ростов, крупнейший город региона, в котором проживало почти 3/4 евреев Дона (см.: Рис. 1а). Размещение общины ограничивалось ростовско-таганрогским ареалом (см. Рис. 3в), за его пределами обосновалось только 43 еврея (0,28%) – среди них мужчин было в 2,3 раза больше, чем женщин, что указывает на низкую укорененность данного дисперсного множества.

Возрастная структура донской общины, как и раньше, почти не отличалась от структуры остального населения региона. На детские и юношеско-подростковые генерации (0–19 лет) приходилось около половины евреев Дона; средний возраст представителей общины в конце XIX в. составлял около 20 лет (см.: Рис. 2б). По-прежнему превалировал традиционный тип естественного воспроизводства с высокими уровнями рождаемости и смертности. Но, как свидетельствует естественная динамика евреев Ростова, именно в конце XIX – начале XX в. происходила ускоренная ломка традиционного механизма и перехода к модернизированной форме воспроизводства. Если в первой половине 1890-х годов среднегодовой показатель рождаемости у ростовских евреев составлял 46,5‰, то во второй половине – 35,2‰, а в начале XX в. – 28,5‰. Параллельно снижался и уровень смертности: 23,3; 13,8; 12,8‰ соответственно (см.: Рис. 2д). Основная причина данного сдвига заключалась в комплексной социокультурной

модернизации еврейского населения Дона, признаки которой отчетливо фиксировались уже в конце екатеринославского периода развития общины (середина 1870-х – середина 1880-х годов).

Укажем, в частности, на крайне высокую по меркам регионального социума образовательную активность донских евреев. При доле в 9–11% в населении Ростова евреи составляли 25–40% учащихся гимназий и других средних образовательных учреждений города (как мужских, так и женских). Аналогичной была ситуация и в других центрах Нижнего Дона (в Таганроге, Азове, Нахичевани) (*Гонтмахер* 1999: 22–25). Хорошо образованные по меркам времени детские/подростковые поколения 1880-х годов вошли во взрослую жизнь (в 1890-е годы) с комплексом жизненных приоритетов, существенно отличавшим их от старшего поколения. Для еврейской молодежи рубежа веков были характерны более поздние браки и пониженная репродуктивная активность, связанная в том числе с практикой регуляции деторождения. Молодые люди значительно чаще прибегали к профессиональной медицинской помощи, что напрямую отражалось на масштабах младенческой и детской смертности, в значительной мере формировавшей ее общий показатель.

Таким образом, еврейская община Дона встречала XX в., находясь в процессе активного перехода к современному типу воспроизводства, опережая в этом отношении весь региональный социум на несколько десятилетий. Но у социокультурной модернизации общины была и другая значимая демографическая проекция, связанная с тем, что основным языком обучения еврейской молодежи Дона был русский, на котором в конце XIX в. получали образование 87–89% юношей и 90–91% девушек (рассчитано по: *Гонтмахер* 1999: 66). “Русскоцентричность”, задавая высокий уровень аккультурации, существенно облегчала карьеру в различных социопрофессиональных сообществах империи (включая самые статусные). Зафиксированный переписью 1897 г. в донской общине количественный перевес иудеев над евреями по языку в значительной степени объяснялся аккультурацией ростовской группы. Другим следствием высокого уровня культурно-языкового обрусения еврейской молодежи Дона становится увеличение числа смешанных семей.

На рост межнациональной брачности работал и ощутимый в ряде территориальных групп гендерный дисбаланс. У городских евреев ОВД в возрасте 20–29 лет в 1897 г. на 100 женщин приходилось 80 мужчин (рассчитано по: *Гонтмахер* 1999: 66). Впрочем, этот перекоп на рубеже веков не столько увеличивал межэтническую брачность евреек, сколько осложнял для них поиск супруга своей национальности, т.е. в большей степени работал на сокращение общей рождаемости в общине. Тем не менее доля смешанных семей также росла. Порядка 7–10% браков, заключаемых в конце XIX – начале XX в. евреями Дона, уже могли быть межэтническими. То есть в конце имперского периода (1900–1910-е годы) в детской генерации донской общины появляется некоторое, пока еще ограниченное число “полуевреев” (не более 3–5% от общего еврейского населения ОВД) (см.: Рис. 1в).

Демографическая динамика региональной общины на рубеже XIX–XX вв. коррелирует с социально-политическими условиями своего времени и остается сложной. Отчеты наказных атаманов за 1897–1904 гг. фиксируют устойчивый рост общины, темпы которого, однако, постепенно замедляются и уже фактически соответствуют показателю естественного воспроизводства (см.: Отчеты

1880–1916). Миграционное сальдо опускается к нулевой отметке (см.: Рис. 2в).

Окончательно обрывается восходящий демографический тренд донской общины в середине 1900-х годов, после масштабного (одного из крупнейших в империи) еврейского погрома в Ростове (18–20 октября 1905 г.). Точное число жертв не было установлено, но в любом случае оно оказалось значительным: от 40–50 до 170 человек убитыми, до 500 избитыми и изувеченными (Мовшович 2001: 104). И с 1905 г. городская община практически останавливает свой рост, сохраняясь на уровне 14,5–16 тыс. человек (Города России 1910). Учитывая размеры естественного прироста, отток евреев из Ростова в 1906–1915 гг. мог составить 2,2–2,7 тыс. человек (15–17%). Фактически останавливается рост таганрогской общины (4290 чел. в 1904 г., 4505 чел. в 1916 г.) и еврейского населения других городов ОВД (см.: Рис. 16) (см.: Отчеты 1880–1916).

Плато в динамике численности донской общины завершается в годы Первой мировой войны с выходом постановления “О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости” (август 1915 г.). Приток еврейских беженцев с западных территорий империи начал пополнять городские общины Дона, прежде всего Ростова и Таганрога. Но пульсирующий характер этой миграционной волны, высокая подвижность переселенцев способствовали тому, что размеры территориальных групп постоянно менялись.

Еще более выросла пространственная турбулентность донских евреев в годы Гражданской войны. Даже в отсутствии точных данных нет сомнения в том, что для них, как и для всего населения Дона, в 1918–1920 гг. была характерна естественная убыль в несколько промилле. Но центральную роль в демографической динамике общины по-прежнему играла миграция, обусловленная движением фронтов и социально-экономической ситуацией на местах. Являясь одним из эпицентров белого движения, Дон привлекает в годы Гражданской войны еврейских беженцев из центральных районов России. И в целом перипетии Мировой и Гражданской войн способствовали количественному росту еврейского населения Дона, прежде всего его ведущего средоточия – ростовской группы. В 1920 г. Ростов по численности евреев – третий после Петрограда и Москвы центр будущей РСФСР (22,8 тыс., 25,0 и 28,0 тыс. человек соответственно) (Советский Союз б.г.). К 1926 г. ростовская община вырастает до 26,3 тыс. человек. А в пяти округах Северо-Кавказского края, в дальнейшем составивших Ростовскую область, Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала более 30 тыс. евреев, из которых 98,8% являлось горожанами (рассчитано по: Всесоюзные переписи 1926–1989). Хотя за 1916–1926 гг. число сельских евреев Дона выросло в несколько раз, в абсолютных цифрах этот рост был крайне незначительным (см.: Рис. 16). Таким образом, снятие ограничений на перемещение привело не столько к расширению ареала расселения, сколько к еще большей концентрации евреев в крупнейшем центре региона и его городской системе, хотя демографическая динамика отдельных городских групп в первое послереволюционное десятилетие была разнонаправленной (ощутимо сократилось еврейское население Таганрога и Азова, выросли общины Новочеркасска и г. Шахты).

Сбалансированная гендерная структура практически всех еврейских групп донской общины, в том числе и в сельской местности, указывала на высокую степень укорененности в пределах региона (см.: Рис. 2а). Но сверхконцентрация в городах и высокий уровень модернизации способствовали быстрому завершению перехода к современному типу демографического воспроизводства и ма-

лодетной семье. Среднегодовая рождаемость евреев Ростова в середине 1920-х годов снизилась до 14–15‰ (Гонтмахер 1999: 211), что более чем в два раза уступало региональному показателю и было на четверть ниже показателя всего еврейского населения РСФСР (Константинов 2007: 75). Существенно сократился и естественный прирост, с этого времени не превышавший у ростовских евреев 5–6‰.

Как и в имперский период, социокультурная модернизация евреев Дона в 1920-е годы коррелировала с процессом их культурно-языкового обрусения. Но если в конце XIX в. евреи составляли крайне высокий процент обучающихся в системе среднего и специального образования, то с середины 1910-х годов – в формирующейся на Дону высшей школе. В середине 1920-х годов их доленое присутствие в студенческом корпусе региональных вузов на порядок превышает долю в населении. А русский язык становится родным почти для 3/4 евреев донских округов (Гозулов 1929: 200–220).

Быстрая аккультурация ускоряет ассимиляционный процесс, который вместе с низким естественным приростом с середины 1920-х годов становится основным фактором демографической динамики евреев Дона: за 1926–1939 гг. община выросла на 8,9% (до 33 тыс. чел.), а ее ростовская группа – только на 2,8%. В демографическом рейтинге крупнейших городских общин евреев СССР ростовская опустилась с 10 на 13 позицию (но осталась третьей в РСФСР) (Советский Союз б.г.). Еврейское население Таганрога и Новочеркасска, пополняемое мигрантами с Украины, росло более интенсивно (соответственно на 18,6% и 59,4%), что снизило уровень “столичности” донской общины: доля ростовчан опустилась с 87% до 82% (см.: Рис. 1а). Это, впрочем, только подчеркивало центростремительный характер системы расселения евреев Дона, который фиксировался даже в самом областном центре. По данным на 1939 г., 53% ростовских евреев проживало в двух центральных районах города (Андреевском и Кировском), на которые приходилось 18,3% населения Ростова (евреи составляли 15,4% жителей центра и только 2,45% – других районов) (рассчитано по: Всесоюзные переписи 1926–1989). Сверхконцентрация евреев в областном центре, однако, не исключала некоторого расширения их сельской географии: число поселен в общине за 1926–1939 гг. выросло в 2,5 раза (с 370 до 910 чел.). К концу 1930-х годов евреи проживали практически во всех сельских районах области. Крупнейшие их территориальные группы достигали 80–90 человек (Зверевский, Мечетинский, Сальский районы) (см.: Рис. 3д). Демографический и пространственный рост сельской компоненты в значительной степени определялся трудовой миграцией – распределением в районы области молодых специалистов, в своем большинстве одиноких мужчин (за 1926–1939 гг. число мужчин-евреев выросло на селе в 4,5 раза, евреек – на 51%). Это привело к резкой гендерной разбалансировке сельских евреев Дона (см.: Рис. 2а). В то же время отток мужчин в сельскую местность региона увеличил перевес женщин в городских группах (за 1926–1939 гг. число мужчин на 100 женщин сократилось с 90,5 до 86,8).

Как уже отмечалось, межвоенные десятилетия стали периодом резкого ускорения аккультурационно-ассимиляционного процесса, характерного для всего еврейского населения РСФСР. За 1924–1938 гг. доля межэтнических браков выросла у мужчин с 17,4% до 44,2%, у женщин – с 8,9% до 34,9% (Константинов 2007: 69). Нет оснований считать, что этот показатель у донских евреев заметно отличался от республиканского. “Усредненный” процент межнациональных браков у поколения евреев Дона, репродуктивная активность которых пришлась

на 1920–1930-е годы, мог составлять 30–35% для мужчин и 20–25% для женщин. В этом случае 25–30% детей, рожденных на Дону в 1920–1930-е годы в семьях с двумя или одним родителем-евреем, уже были “полуевреями”. А к концу межвоенного периода в регионе начинает быстро расти число носителей 1/4 еврейской этнической компоненты, поскольку в репродуктивный возраст входят “полуевреи”, родившиеся в имперский период.

При этом принятый в советской демографической статистике принцип фиксации этнической принадлежности по самоопределению опрашиваемых способствовал быстрому росту количественного зазора между числом евреев, фиксируемых переписью, и общим размером группы населения с еврейскими корнями, численность которого на Дону к началу 1940-х годов уже на 30–40% превосходила данные последней переписи (см.: Рис. 3в). Однако в полной мере эта особенность демографии региональной общины (как и всего еврейского населения страны) проявилась уже в послевоенные десятилетия.

Этапы демографической депопуляции (1940–2010-е годы)

Поступательная динамика роста общины была прервана Великой Отечественной войной, на годы которой пришлись огромные демографические потери еврейского населения Дона. Детальный анализ убыли численности крайне затруднен, поскольку с первых месяцев войны на территории области оказывается значительное число еврейских беженцев из других регионов СССР. Уже к концу лета 1941 г. еврейское население региона могло вырасти до 50–60 тыс. человек (Войтенко 2005: 99). Но территориальное распределение беженцев непрерывно менялось, как и общее их количество; пульсировала численность и донских евреев. В сентябре–октябре 1941 г. область покинуло порядка 10 тыс. евреев в рамках организованной эвакуации и примерно столько же выехало самостоятельно (Кеворков 2020: 251). Однако к моменту первого захвата Ростова немцами (ноябрь 1941 г.) в зоне оккупации оказалось порядка 35–40 тыс. евреев. Быстрое освобождение города позволило сохранить жизнь основной части этого населения. Тем не менее в конце 1941 г. в регионе было истреблено от 7 до 8 тыс. человек (прежде всего евреев Таганрога и осевших в городе беженцев) (Войтенко 2005: 102).

К началу 1942 г., после первого освобождения Ростова от оккупантов вернулось значительное число донских евреев, покинувших город в первые месяцы войны (Мовшович 2006: 124). Стремительное наступление немецкой армии летом 1942 г. сорвало эвакуацию, и 11–13 августа 1942 г., через две недели после захвата Ростова, еврейское население города было почти полностью истреблено в Змиевской балке. Общее число жертв составило от 18 до 32 тыс. человек, в большинстве своем это были евреи (80–90%) (Войтенко 2005: 112; Мовшович 2002: 85). Массовая ликвидация евреев в конце лета–осенью 1942 г. происходила и по всей области. Холокост на Дону охватывал практически все города и значительное число сельских районов (по официальным, явно неполным данным, зафиксировано уничтожение евреев в 24 населенных пунктах) (Альтман 2002: 184).

Но вычленение еврейской компоненты из общих масштабов репрессий, распространявшихся на Дону и на другие группы населения, – серьезная исследовательская проблема. Согласно расчетам Е.В. Мовшовича, общее число жертв холокоста на территории Ростовской области составило 38,5–40,0 тыс. человек (Мовшович 2002: 85). Количественные оценки других исследователей несколько

ниже: Н.И. Альтман пишет, что жертвами холокоста стали не менее 22 тыс. человек (Альтман 2002: 176–177), Е.А. Войтенко говорит о 19–27 тысячах (Войтенко 2005: 115). Последние цифры представляются наиболее вероятным диапазоном потерь еврейского населения в период немецкой оккупации. Поскольку в сельских районах области было уничтожено порядка 5,0–5,5 тыс. евреев, что в 5–6 раз превышало их довоенную численность (Мовшович 2006: 143), можно утверждать, что самая значительная часть жертв пришлось на перемещенное население. В Таганроге это соотношение было иным, и среди жертв холокоста беженцы незначительно превышали местное население. В Ростове основные потери пришлось на горожан. В целом в 1941–1943 гг. было истреблено 55–65% еврейского населения Дона (в т.ч. почти все сельские евреи, 65–75% евреев Таганрога и 50–60% Ростова) (рассчитано по: Войтенко 2005).

Послевоенный восстановительный демографический рост областной общины и ее отдельных территориальных групп, в отличие от других народов региона, определялся не столько подъемом рождаемости и естественного прироста, сколько направлением и масштабами миграционной динамики. Некоторые городские группы (евреи Азова, Шахт и др.) компенсировали потери военного времени и заметно выросли к концу 1950-х годов. Но крупнейшие группы (Ростов, Таганрог) восстановиться не сумели. В 1959 г. в Ростове проживало на 40% меньше евреев, чем в 1939 г., в Таганроге – почти в 2 раза меньше – это предопределило общее осязаемое снижение численности донских евреев (с 33,0 до 20,9 тыс.) (см.: Рис. 16).

Гендерный баланс в общине Дона не изменился (см.: Рис. 2а) – в отличие от остальных региональных этнических групп, демонстрировавших значительный дефицит мужчин, связанный с потерями военного времени. Но у донских евреев мужская сверхсмертность на фронтах совместилась с холокостом, среди жертв которого осязаемо преобладали женщины.

Война стала историческим водоразделом и в пространственной динамике донской общины: характерное в 1920–1930-е годы расширение ареала за счет освоения сельских территорий сменилось сжатием. Значительное число сельских групп, уничтоженных в годы войны, не восстановилось. В конце 1950-х годов в сельской местности Дона проживало 368 евреев (38% от уровня 1939 г.) (см.: Рис. 1а, б).

Ускоренная депопуляция донской общины продолжается и в последующие десятилетия советского периода. В 1960-е годы численность евреев Ростова сократилась на 12% – максимальный показатель среди 23 крупных (более 10 тыс. чел.) городских общин СССР. Почти 15% потеряла община Таганрога. Еще больше снизился демографический потенциал еврейского населения остальных городских центров и сельских районов Дона (потери составили соответственно 17,8% и 31%) (рассчитано по данным на 1959–1970 г.; см.: Всесоюзные переписи 1926–1989). Евреи из небольших городов и сельской местности все активней стягивались в областной центр. Хотя в абсолютных цифрах этот приток был весьма незначительным и не мог остановить быстрой депопуляции ростовской группы. Если учесть воспроизводственные показатели российских евреев в данный период (Константинов 2007: 75), можно утверждать, что общая естественная убыль евреев Дона в 1960-е годы едва ли превышала 5–6%. Эмиграция из СССР в дальнее зарубежье была еще минимальной и почти не захватывала региональные группы. Ограниченные размеры носил и отток евреев за пределы области.

Ускоренная убыль ростовской и таганрогской групп прежде всего задавалась ассимиляцией, ее большими масштабами в сравнении с другими город-

скими и региональными общинами РСФСР. Существенную роль в этом процессе, очевидно, играли крайне высокие демографические потери этнического ядра ростовских и таганрогских евреев в период оккупации. Сохранившееся еврейское население, пополненное в послевоенный период небольшим числом мигрантов, оказалось значительно более подверженным ассимиляции, чем общины других крупных российских центров. Ускоренная убыль евреев Дона продолжилась и в последние десятилетия советского периода (см.: Рис. 16). В целом за 1959–1989 гг. еврейское население области сократилось в 2 раза (в СССР и РСФСР на 40,0% и 35,5% соответственно). Но фиксируемое переписями сокращение донской общины представляло только внешнюю сторону ее демографической динамики и не позволяло оценить целый ряд “сопутствующих” процессов, в том числе:

- постепенное сокращение численности этнически “полных” евреев и рост их медианного возраста;

- быстрый рост межэтнической брачности, абсолютный и удельный рост смешанного потомства, включавшего все больше не только евреев наполовину, но и носителей 1/4–1/8 еврейской этнической компоненты;

- стремительный рост латентной составляющей областного населения с еврейскими корнями.

К концу советского периода доля межэтнических браков у евреев-мужчин РСФСР поднимается до 59–73%, у женщин – до 43–63% (Константинов 2007: 69). Община Дона не была исключением. При этом более 90% потомства таких смешанных браков фиксировались по национальности родителя-нееврея (Волков 1989). То есть подавляющая часть “полуевреев”, тем более носителей меньших долей “еврейской крови”, пополняла латентную компоненту областного населения с еврейскими корнями. Постепенно разрастаясь, эта теневая часть превращала данную группу в своего рода этнодемографический “айсберг”, самая значительная часть которого была скрыта от официальной статистики. Расчеты показывают, что в конце 1980-х годов региональная группа населения с еврейскими корнями, включавшая носителей 1/2 и 1/4 данной этнической компоненты уже в 4,4–4,6 раз превосходила число евреев в области, зафиксированное переписью 1989 г. Наиболее многочисленными были “евреи на четверть”, в 3 раза превосходившие подгруппу полных евреев (см.: Рис. 1в).

Геодемографические процессы в общине, характерные для 1970–1980-х годов, резко ускоряются в постсоветский период. Но центральным фактором отрицательной демографической динамики становится эмиграция. В результате оттока в Израиль и другие страны дальнего зарубежья (прежде всего в США и Германию) потери донской общины в 1990-е годы составили 25–30%. Поскольку возможность репатриации в Израиль распространялась на носителей 1/2 и 1/4 еврейской компоненты (а с учетом потомства последней подгруппы и 1/8), эмиграцией было охвачено фактически все население с еврейскими корнями (по расчетам только в Израиль из Ростовской области в 1990-е годы могло выехать 8–10 тыс. человек – число сопоставимое с официальной численностью донских евреев в конце советского периода). Наблюдалась корреляция между интенсивностью оттока и долей еврейской составляющей у эмигрантов. Этническое ядро, включавшее наиболее национально ориентированную часть еврейского населения Дона и составленное в основном полными евреями, потеряло заметно большую долю, чем остальные подгруппы. Таким образом, эмиграция 1990-х годов

резко ускорила ассимиляцию оставшейся части общины. А с учетом выросшей естественной убыли можно говорить о том, что на стремительное сокращение численности донских евреев работали все три фактора демографической динамики. За 1989–2002 гг. община сократилась в 2 раза (с 10,5 до 5,0 тыс. человек), а в 2002–2010 гг. еще на 35,8% (см.: Рис. 16).

Быстрая депопуляция сопровождалась резким ухудшением возрастной структуры (см.: Рис. 26). По переписи 2010 г. медианный возраст евреев области составлял 61 год. Существенно ухудшились и воспроизводственные показатели. В середине – второй половине 2000-х годов коэффициент рождаемости падает до 3–4‰ и естественная убыль евреев Дона составляет 20–25‰ в год (рассчитано по: Всероссийские переписи 2002–2010). Именно естественные потери с начала 2000-х годов после резкого снижения масштабов эмиграции становятся основным фактором депопуляции общины.

На протяжении всего постсоветского периода убыль донских евреев была повсеместной, охватывала все городские и сельские группы. Последние демонстрировали в 1990-е годы минимальные темпы сокращения, но в начале XXI в. их потери также существенно возросли. Уровень урбанизации областной общины снизился в постсоветский период незначительно (до 93,7% в 2021 г.) (см.: Рис. 1а); при сокращении ареала расселения сохранялась общая пространственная структура с ведущим средоточием в Ростове (3/4 представителей). В 2010 г. евреи числом от трех человек проживали в 52 населенных пунктах области (2,4% от общего их числа).

Итак, в процессе двухвекового развития донская община прошла через ряд крупных этапов, различающихся вектором геодемографической динамики, особенностями естественного воспроизводства и миграционной циркуляции, широтой расселения, масштабами ассимиляции. В самом первом приближении можно выделить периоды:

- демографического бума (1800-е – середина 1880-х годов);
- пульсирующей динамики, представляющей смену временных отрезков демографического роста и равновесия с некоторым общим перевесом первых (конец 1880-х – начало 1920-х годов);
- демографического “плата” (середина 1920-х – рубеж 1940-х годов);
- депопуляции (с начала 1940-х годов по настоящее время).

Последний этап, в свою очередь, может быть разделен на несколько временных отрезков: 1941 – начало 1943 г. – холокост; вторая половина 1940-х – 1980-е годы – депопуляция с доминантой естественно-ассимиляционного фактора; 1990-е годы – демографическая убыль с доминантой эмиграционного фактора; 2000–2010-е годы – депопуляционно-циркуляционная динамика.

Детальней основные особенности двухвековой геодемографической динамики региональной общины представлены в Табл. 1. Отметим только, что, укоренившись на Дону к последней трети XIX в., еврейская община достигла значительного экономического и социокультурного подъема в последние десятилетия имперского периода. Однако успешная комплексная интеграция в региональный социум стала одной из основных причин растущей аккультурации со второй четверти XX в., начавшей ускоренно переходить в ассимиляцию (прежде всего через нарастающую межэтническую брачность донских евреев). Масштабные потери военного времени существенно ускорили процесс последующего затяжного демографического заката донской общины, обусловленного уже всеми

факторами количественной динамики (естественной убылью, оттоком, ассимиляцией).

Таким образом, региональная община в своем развитии продемонстрировала один из наиболее распространенных сценариев геодемографической эволюции локальных этнических групп за пределами материнского этнонационального социума: последовательное прохождение стадий роста, стабилизации и постепенного “растворения” в принявшем территориальном сообществе. Однако в случае донских евреев завершающая стадия этого этнодемографического маршрута была далеко не столь короткой и линейной, как это следует из результатов постсоветских переписей. И данный аспект нуждается в дополнительном анализе.

Таблица 1

Основные этапы геодемографической эволюции региональной общины

Этап	Временной интервал	Демографическая динамика и воспроизводственные процессы	География расселения	Половозрастная структура	Аккультурационно-ассимиляционные тренды
Демографический бум	Рубеж XIX в. – конец 1880-х годов	Быстрый демографический рост, обусловленный в первую очередь миграцией. Традиционный естественный тип воспроизводства (высокие рождаемость и смертность).	Ростов, Таганрог. Локальное присутствие в других центрах и в сельской местности.	Сбалансированная гендерная структура. Возрастная пирамида с большой долей младших поколений.	Практически отсутствуют до середины века. С 1850–1860-х годов процесс аккультурации еврейской молодежи.
Пульсирующая динамика	Конец 1880-х – начало 1920-х годов	Пульсирующая динамика с некоторой доминантой демографического роста, обеспеченного уже преимущественно естественным фактором. Ускоренный переход к современному типу воспроизводства (поздние браки, снижение рождаемости).	Ростов, Таганрог; появление и рост ряда других городских общин; некоторое расширение сельского расселения, прерванное в начале XX в.	Сбалансированная гендерная структура. Повышенная доля молодежи; medianный возраст представителей общины – около 20 лет.	Социокультурная модернизация и активная аккультурация еврейской молодежи. Начало ассимиляционного процесса.
Демографическое “плато”	Середина 1920-х – рубеж 1940-х годов	Демографическая стабилизация, связанная с сокращением до минимума внешнего притока и быстрым переходом к малодетной семье.	Ростов, в целом городская система региона. Заметное расширение сельского ареала, включавшего к концу 1930-х годов почти все районы области.	Сбалансированная гендерная структура в городах, в сельской местности кратный мужской перевес. Возрастная пирамида, характерная для модернизированного сообщества.	Высокий уровень социокультурной модернизации, активная аккультурация. Растущая межэтническая брачность и ускорение процесса ассимиляции.

	Осень 1941 – начало 1943 г.)	Демографическая катастрофа: истребление практически всего не успевшего эвакуироваться еврейского населения Дона и значительного числа евреев-беженцев из других регионов СССР.			
	Вторая половина 1940-х – 1980-е годы	Постепенно нарастающая демографическая депопуляция общины, связанная с естественной убылью и ускорением процесса ассимиляции.	Ростов; в целом городская система региона. Постепенное сокращение численности и географии сельских евреев Дона.	В городах сбалансированная гендерная структура, в сельской местности перевес мужчин. Повышенный медианный возраст и растущая доля старших возрастов.	Быстрый рост межэтнической брачности, значительное расширение группы смешанного населения с еврейскими корнями, не фиксируемого статистикой.
Депопуляция	1990-е годы	Демографический “коллапс”, обусловленный масштабной эмиграцией 1990-х годов, резким ускорением естественной убыли и ассимиляционного процесса.	Ростов и городская система региона. С начала XXI в. быстрое сокращение сельской географии региональной общины (в начале 2010-х годов из 2,2 тыс. сельских населенных пунктов области евреи проживали в 50).	В городах сбалансированная гендерная структура, в сельской местности перевес мужчин. Старое население (в 2010 г. медианный возраст самоопределившихся евреями превышал 60 лет). Но возрастная структура населения с еврейскими корнями была близка к возрастным параметрам всего регионального социума.	Очень высокий уровень аккультурации и ассимиляции. Незначительная доля (7–10%) этнического ядра в группе регионального населения с еврейскими корнями.
	2000–2010-е годы	Минимизация оттока в дальнее зарубежье; возрастающая циркуляция евреев между регионом и зарубежными центрами (“жизнь на две страны”). Сохранение ускоренной естественной убыли и ассимиляции донской общины, ведущее к быстрому сокращению числа евреев, фиксируемого переписями.			Процесс реанимации еврейской идентичности у части населения с еврейскими корнями при сохранении общего ассимиляционного тренда, связанного с международной брачностью.

Геоэтнодемографическая динамика группы еврейских семей Донского региона (1920–2010-е годы)

Для детализации и уточнения особенностей воспроизводственной, пространственной динамик и ассимиляции евреев Дона в XX – начале XXI в. было изучено четыре поколения группы мононациональных и смешанных семей, образованных евреями, рожденными в 1920–1930-е годы. Группа включала 70 семей, созданных жителями Ростова, Таганрога и шесть – евреями Краснодар, в дальнейшем переехавшими в Ростовскую область (в общей сложности 131 еврей(ка) из 152 супругов). В анализируемую группу были включены только евреи, создавшие семьи. То есть выборка не дает возможности линейно экстраполировать полученные результаты на все еврейское население области, поскольку не

включает евреев, не вступивших в брак (в т.ч. погибших в военные годы). Период создания семей и рождения детей у представителей анализируемой группы, за рядом исключений, пришелся на 1940–1960-е годы. Было образовано 55 мононациональных семей и 21 смешанная, в которых родилось 89 детей, что подтверждает вывод о крайне низком уровне рождаемости в среде советских евреев уже в середине XX в. Более 80% изученных семей ограничились одним ребенком (в среднем 1,16 ребенка на семью) (см. Табл. 2).

Таблица 2

Воспроизводственная динамика группы евреев Дона, 1920–2010-е годы

Годы рождения	Этнодемографические характеристики семей отдельных поколений
	131 еврей(ка): 67 мужчин, 64 женщины 21 чел. – представители других национальностей
1920–1930-е годы	Создано 76 семей: 55 еврейских мононациональных; 21 смешанная, в том числе: 12 – “еврей – нееврейка”, 9 – “нееврей – еврейка”
	89 детей (41 сын, 48 дочерей)
1940–1960-е годы. Дети	Создано 94 семьи*: 32 еврейских мононациональных; 62 смешанных, в том числе: 32 – “еврей – нееврейка”, 30 – “нееврей – еврейка”; 9 чел. в брак не вступали (4 мужчины, 5 женщин).
	102 (50 внуков, 52 внучки)
1960–1990-е годы. Внуки	Создана 71 семья*: 18 еврейских мононациональных; 53 смешанных, в том числе: 27 – “еврей – нееврейка”, 26 – “нееврей – еврейка”; 42 чел. в брак не вступали (22 мужчины, 20 женщин)
1990–2010-е годы. Правнуки	99 (52 правнука, 47 правнучек)
2000–2010-е годы. Праправнуки	3 (2 праправнука, 1 праправнучка)

* Учитывались и вторые семьи, созданные представителями данных поколений.

Сохранился низкий уровень репродуктивной активности и в двух последующих поколениях. У 89 детей родилось 102 внука (1960–1990-е годы) и 99 правнуков (1990–2010-е годы). Определенная часть внуков – в настоящее время люди активного репродуктивного возраста, и количество правнуков может возрасти. Но симптоматично, что, несмотря на значительный медианный возраст (около 40 лет), 42 представителя поколения внуков (42,3%) до сих пор не вступили в брак.

Исследование подтвердило, что евреи Дона уже с середины XX в. были расположены к межэтническим бракам (см. Табл. 3). Из 94 семей, созданных поколением детей, только в 32 (34%) брачным партнером становился(лась) еврей(ка). Еще в 12 семьях у супругов имелись еврейские корни. Почти 2/3 браков было заключено с неевреями (в т.ч. 46,8% – с русскими). При этом наблюдалась отчетливая гендерная специфика. Сыновья были значительно более расположены к межэтническим бракам (их доля составляла 61,4%), чем дочери (44%).

Таблица 3

**Этническая принадлежность супругов потомства донских евреев генерации
1920–1930-х годов (чел.)**

Супружество	Национальность супруга(ги)				Неженатые/ незамужние дети, внуки	
	Еврей(ка)	Еврей- (ка)–по- луковрка	Русский (ая)	Другая		
Дети						
Жены сыновей	12	5	24	3	4	
Мужья дочерей	21	6	20	2	5	
Всего	33	11	44	5	9	
<i>В том числе:</i>						
Жены сыновей	полных и на 3/4 евреев	12	4	16	2	2
	евреев на 1/2		1	8	1	2
Мужья дочерей	полных и на 3/4 евреев	20	3	16	2	3
	евреев на 1/2	1	4	4		2
Внуки						
Жены внуков	6	1	19	7	22	
Мужья внучек	16	2	11	9	20	
Всего	22	3	30	16	42	
<i>В том числе:</i>						
Жены внуков	полных и на 3/4 евреев	6	1	4	2	8
	евреев на 1/2–1/4			15	5	14
Мужья внучек	полных и на 3/4 евреев	12	2	2	3	12
	евреев на 1/2–1/4	4		9	6	8

Существенные различия в выборе брачного партнера еврейской (нееврейской) национальности фиксировалось у полных евреев (включая евреев на 3/4) и евреев на 1/2. Если у первых доля браков с евреями, частично евреями и неевреями составляла соответственно 42,7%, 9,3% и 48,0%, то у вторых – 5,3%, 26,3% и 68,4% (см. Табл. 4). Таким образом, более 2/3 “полуевреев” вступало в браки с неевреями – очевидное свидетельство высокой степени аккультурации.

Данные особенности в возросшей степени были воспроизведены в семейной практике “внуками”. Представители данной генерации вступили в 71 брак, из которых моноеврейскими было только 18 (25,4%), а полных и частичных евреев среди брачных партнеров было соответственно 22 (31,0%) и 3 (4,2%) человека. То есть около 65% всех браков было заключено с неевреями. У этой третьей генерации анализируемой группы также обнаружилась отчетливая гендерная разница. Внуки были более расположены к межэтническим бракам, чем внуки: доля супругов без еврейских корней составляла у них соответственно 78,8% и 52,6%. Сохранилась в генерации внуков и разница между брачными предпочте-

ниями полных евреев и имеющих 1/2–1/4 еврейской компоненты. Среди первых 65,6% выбрали супругов из числа евреев и частичных евреев, среди вторых только 10,3%.

Таблица 4

Еврейская компонента в корнях потомства донских евреев, рожденных в 1920–1930-е годы (чел., %)

Поколения	Доля еврейской этнической компоненты, чел.						Всего
	1 (100%)	3/4–5/8	1/2	3/8	1/4	1/8	
	Число, чел.						
дети	68	3	18				89
внуки	40	5	45	1	11		102
правнуки	34	4	16	9	22	14	99
	Доля от общего размера поколения, %						
дети	76,4	3,4	20,2				100
внуки	39,2	4,9	44,1	1,0	10,8		100
правнуки	34,3	4,0	16,2	9,1	22,2	14,1	100

В четвертом поколении (правнуки) анализируемой группы “полные” евреи составляли уже только 34,3% (34 из 99 человек), а носители 1/4–1/8 еврейской компоненты – 36,3% (см. Табл. 4). В настоящее время правнуки – в своем большинстве дети и подростки, что не позволяет анализировать особенности их брачных предпочтений. Представляет интерес география проживания данной генерации: только половина правнуков (49 из 99) проживает в России, в том числе чуть более трети (35,4%) в Ростовской области, еще треть приходится на Израиль и 17,2% на другие страны (см. Табл. 5).

Отметим, что в 1950–1970-е годы из разных поколений анализируемой группы за пределы СССР (в Израиль) эмигрировали представители только одной семьи. Но несколько человек в последние советские десятилетия переехало в другие города СССР, прежде всего в Москву и Ленинград (подтверждая тезис о пространственной “центростремительности” евреев). К концу советского периода в пределах области и Юга России продолжала проживать основная часть представителей группы. Периодом стремительного расширения ее географии стал конец 1980-х – начало 2000-х годов. Значительная часть правнуков родилась уже за пределами России. Сравнительный анализ структуры этнических корней различных территориальных групп генерации правнуков свидетельствует, что в наибольшей степени ассимилировались оставшиеся жить на Дону. В составе этой группы около 60% – люди с 1/4–1/8 еврейской компоненты (см. Табл. 4). Максимально сохранили исходную этническую принадлежность правнуки, проживающие в настоящее время в Израиле. Среди них полные евреи составляют 60,6% и только 6,1% являются евреями на четверть. Столь существенная разница между двумя группами потомков в значительной степени объясняется спецификой эмиграции конца XX – начала XXI в.: наиболее национально-ориентированная и сохранившая этничность часть еврейского населения массово эмигрировала, ассимилированные группы преимущественно оставались на месте (причем доля оставшихся прямо коррелировала с уровнем ассимиляции).

Таблица 5

**Место современного проживания правнуков донских евреев
генерации 1920–1930-х годов (чел., %)**

Место проживания	Доля еврейской компоненты						Всего
	1 (100%)	3/4– 5/8	1/2	3/8	1/4	1/8	
	Число, чел.						
Россия, в том числе:	4	2	6	9	14	14	49
Дон и Юг России	2	2	1	9	10	11	35
другие регионы	2		5		4	3	14
Израиль	20	1	10		2		33
Другие страны*	10	1			6		17
Всего	34	4	16	9	22	14	99
	Доля, %						
Россия, в том числе:	11,8	50	37,5	100	63,6	100	49,5
Дон и Юг России	5,9	50	6,2	100	45,5	78,6	35,4
другие регионы	5,9		31,3		18,1	21,4	14,1
Израиль	58,8	25	62,5		9,1		33,3
Другие страны	29,4	25			27,3		17,2

* 5 чел. – США, 4 – Германия, 1–2 – Австралия, Великобритания, Голландия, Латвия, Кипр, Турция.

Следует учесть и инверсионный рост еврейской компоненты у потомства эмигрантов с еврейскими корнями, выехавших в Израиль. Неполные евреи из генерации внуков, оказавшись на исторической родине, в своем большинстве вступали в брак с евреями, способствуя реанимации у своих детей исходной этнической принадлежности. Противоположной была динамика этничности у внуков, оставшихся на Дону и Юге России.

* * *

Исследование подтвердило, что для донских евреев уже с середины XX в. было характерно суженное воспроизводство и активное этническое смешение, дополненное в конце века масштабной эмиграцией. В результате достигшая максимальной численности в 1930-е годы региональная община не сумела восстановиться в послевоенный период и уже с 1950-х годов демонстрировала нарастающую депопуляцию, связанную со всеми тремя факторами отрицательной демографической динамики (естественной убылью, оттоком и ассимиляцией).

Данные постсоветских переписей указывают на стремительный закат еврейской общины Дона, которая за 1989–2021 гг. сократилась в 6 раз (см.: Рис. 16). Но предельно пессимистической картинке, формируемой официальной статистикой, противоречит множество реальных фактов этнокультурной жизни еврейского населения региона, в том числе наличие ряда национально-культурных организаций, активная посещаемость синагог (речь о доковидном периоде), функционирование в Ростове еврейской школы. Не ощущают признаков быстрого угасания общины и сами представители еврейского населения Дона³.

Как представляется, причина расхождения данных переписей и социальной реальности заключается в уже указанной неполноте статистики, упускающей са-

мую значительную долю населения с еврейскими корнями. В 2021 г., по данным последней переписи, на Дону проживало 1,69 тыс. евреев. Но расчетная оценка размера этнодемографической группы, включающей полных евреев и носителей 1/2–1/4 еврейской компоненты, дает на начало – середину 2010-х годов цифру 30–35 тыс. человек (в 20 раз превосходящую численность “официальных” евреев) (см.: Рис. 1в). Оставаясь в статистической тени, эта группа в настоящее время составляет значительную часть посетителей синагог (речь не только о носителях 1/2, но иногда 1/4 и даже 1/8 еврейской компоненты), формирует контингент учащихся еврейской школы, разнообразно участвует в жизни еврейских организаций. Иными словами, среди этнических активистов, играющих центральную роль в воспроизводстве донской общины, в постсоветский период все более значимое место занимают биэтнофоры.

А здесь существенно то, что фиксируемая последними переписями перевернутая возрастная пирамида еврейского населения области (см.: Рис. 2б) прежде всего характеризует половозрастную структуру группы полных евреев, среди которых крайне высока доля пожилых и старых людей. Возрастная пирамида этнических “полуевреев” (тем более носителей 1/4 или 1/8 еврейской компоненты) уже значительно ближе к показателям всего регионального населения⁴. То есть реальный демографический ресурс сохранения еврейского национально-культурного присутствия на Дону значительно больше фиксируемого статистикой.

Если процесс нарастающей ассимиляции евреев области (и всей России) достаточно четко диагностируется данными переписей, то идущий параллельно с ним с конца 1980-х годов процесс этнонациональной реставрации, охватывающий часть населения с еврейскими корнями, обнаруживает себя именно в устойчиво сохраняющейся разнообразной социальной активности территориальных общин. Детальный анализ общей линейки и соотношения факторов возвращения “к корням” у смешанного еврейского населения области – тема самостоятельного исследования. Но очевидно, что факторы эти разнообразны, они определяются как прагматическим целеполаганием, так и персональной аксиологией, ценностным выбором каждого человека. С одной стороны, имеет значение возможность стать гражданином Израиля даже лицам с 1/4 еврейской этнической компоненты. С учетом сложной социально-экономической ситуации в России в последние 10–15 лет такая возможность представляется весомым потенциальным ресурсом, от которого не стоит отказываться. Еще более возросла значимость этого обстоятельства с начала жесткого геостратегического противостояния с коллективным Западом.

Но имеется и ряд других значимых мотивировок. Свою роль играет известная выделенность евреев из существующего множества национальных сообществ, особенно очевидная с учетом того, что речь идет о небольшом народе. Масштабы и разнообразие мирового исторического и социокультурного контента, связанного с евреями, амплитуда и полярность оценок их мировой социальной мыслью и общественным мнением могут определять высокую значимость этнокультурной причастности к еврейскому народу. Даже конспирология, наделяющая евреев полным набором отрицательных свойств и характеристик, позиционирующая их как этническое средоточие глобального манипулятивного начала, может работать на желание индивида хотя бы символически, по праву “крови” принадлежать к этому количественно незаметному, но столь резонансно-влиятельному сообществу. Тем более что для этого

не требуется прилагать никаких усилий, необходимо лишь желание не отказываться от части собственных этнических корней. Наконец, свою роль может играть и некоторое снижение уровня бытового антисемитизма в российском обществе, фиксируемое в последние 15–20 лет (Левинсон 2018: 120–122). Как результат, даже у носителей 1/4 еврейской компоненты, может происходить возвратное усиление еврейской идентичности. Заметим, однако, что реально идущий в последние полтора – два десятилетия процесс возврата еврейской идентичности у части регионального населения с еврейскими корнями практически не находит отражения в официальной этнодемографической статистике. Иными словами, даже активно культивирующие и/или реанимирующие еврейское этнокультурное начало жители Дона в настоящее время в своем большинстве во время переписей не хотят декларировать принадлежность к еврейскому народу. Причины этого требуют отдельного анализа. Но очевидно, что официальная статистика будет фиксировать дальнейшую стремительную демографическую убыль общины при сохраняющейся разнообразной социокультурной жизни евреев Дона, в которой возрастающую роль будет играть смешанное население (с постепенным смещением центра тяжести к носителям все меньшей доли еврейской компоненты).

Следует, однако, учесть, что евреи “на четверть” являются своего рода пограничной генерацией, от брачного выбора представителей которой зависит этническая самоидентификация их потомства. Превращение 1/4 в 1/8 переводит эту компоненту из актуальной величины в разряд семейных преданий. То есть с течением времени будет все больше сжиматься и демографический ресурс смешанного населения, активно участвующего в жизнедеятельности региональной еврейской общины. Если речь идет о долгосрочной перспективе – она негативна, но значительная численность бизтнофоров еще одно десятилетие будет оставаться фактором устойчивого воспроизводства и пополнения в регионе группы населения с еврейской самоидентичностью и национально-культурной ориентацией на “еврейский мир”. Данный вывод может быть отнесен к евреям не только Дона, но и всей России, еврейское население которой в целом характеризуется аналогичными особенностями геодемографической и этнокультурной динамики.

Примечания

¹ Для оценки количественной динамики региональной группы населения с еврейскими корнями (см.: Рис. 1в) был произведен расчет масштабов репродуктивной активности пяти генераций евреев Дона (с основным периодом детородной активности в 1900–1910-е, 1920–1930-е, 1940–1960-е, 1970–1980-е, 1990–2000-е годы). Для каждой из этих генераций были рассчитаны размеры репродуктивной группы еврейского населения, определен коэффициент фертильности евреек и неевреек, имевших мужа-еврея, доли межнациональной брачности у мужской и женской компонент региональной группы, удельный вес мононационального и смешанного потомства, в том числе доля потомства записанного в другие национальности (для определения данных характеристик использовалась база социодемографических показателей В. Константинова [Константинов 2007]). Для оценки дальнейшей количественной и межпоколенной динамики скрытой составляющей еврейского этнодемографического множества региона использовался метод передвижки возрастов.

² Заметим, что еще в начале 1890-х годов группа иудействующих на Дону достигала 300–350 человек. Но уже в середине данного десятилетия отчеты наказных атаманов фиксируют ее быстрое сокращение. К 1898–1899 гг. число иудействующих в ОВД падает до 30–40 человек, а в начале XX в. эта конфессиональная группа практически исчезает с территории казачьего региона (8 чел. в 1905 г.) (данные за 1890–1905 гг.; см: Отчеты 1880–1916).

³ Было взято пять интервью у жителей Ростова и Таганрога. Проанализированы материалы региональных СМИ, посвященные жизнедеятельности различных еврейских территориальных групп Юга России.

⁴ Что объясняется более поздним появлением их наиболее обширных региональных генераций. Для полукровок таким периодом были послевоенные десятилетия, для носителей 1/4-й еврейской этнической компоненты – 1970–1980-е годы. Следует учесть и меньшие масштабы постсоветской эмиграции смешанного населения в 1990-е годы.

Источники и материалы

Всесоюзные переписи 1926–1989 – Всесоюзные переписи населения 1926–1989 гг.

Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу // Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>.

Всероссийские переписи 2002–2010 – Всероссийские переписи населения 2002–2010 года. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=36

Города России 1904 – Города Российской империи в 1904. СПб., 1906.

Города России 1910 – Города Российской империи в 1904, 1910. СПб., 1914.

Гутман 2004 – Гутман М. Евреи среди казаков // Лехаим. 2004. № 8. <https://lechaim.ru/ARHIV/148/gutman.htm>

Маркедонов 2007 – Маркедонов С.М. Евреи в Области Войска Донского в конце XIX – начале XX вв. // Семен. Sammler. 20 июня 2007. <https://sammler.ru/index.php?topic/27816-евреи-в-области-войска-донского>

Материалы 1862 – Материалы для географии и статистики России. Екатеринославская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1862.

Материалы 1863 – Материалы для географии и статистики России. Земля Войска Донского. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1863.

Мовшович 2001 – Мовшович Е.В. Печальный юбилей // Донской временник (Ростов-на-Дону). 2001. Вып. 8. С. 104–109.

Мовшович 2002 – Мовшович Е.В. Холокост в Ростовской области: уничтожение евреев на Нижнем Дону и в Восточном Приазовье // Донской временник. 2002. Вып. 10. С. 81–85.

Номикосов 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского, 1884.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1055. Ед. хр. 38.

Отчеты 1880–1916 – Отчеты войсковых наказных атаманов о состоянии Области Войска Донского. Новочеркасск, 1880–1916.

Памятная книжка ЕГ 1860 – Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1860 г. Ч. 2. Екатеринослав, 1860.

Памятная книжка ЕГ 1867 – Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 г. Ч. 2. Екатеринослав, 1867.

Памятная книжка Таганрогского... 1865 – Памятная книжка Таганрогского градоначальства на 1865 год. Таганрог, 1865. Рис. 2.

Памятные книжки ОВД 1870–1916 – Памятные книжки Области Войска Донского. Новочеркасск, 1870–1916.

Перепись 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_

uezd.php

Советский Союз б.г. – Советский Союз. Этническая демография советского еврейства. <http://eleven.ort.org/jews-of-russia-and-ussr/jewish-history-in-ussr/15423>
Соколова 2003 – Соколова М. Из истории еврейских общин Таганрога // Вехи Таганрога. Таганрог: Лукоморье. 2003. № 18. С. 10–13.

Научная литература

- Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М.: Холокост, 2002.
- Войтенко Е.А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны: 1941–1943. Дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский гос. ун-т, Ставрополь, 2005.
- Волков А.Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26.
- Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Гос. статистическое изд-во, 1957.
- Гозулов А.И. Морфология населения. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказское статистическое управление, 1929.
- Гонтмахер М.А. Евреи на донской земле. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1999.
- Кеворков М.М. Холокост на территории Ростовской области во время Великой Отечественной войны // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. № 1. С. 250–255.
- Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ). Иерусалим: Лира, 2007.
- Куповецкий М. К оценке численности евреев и “демографического потенциала еврейской общины” в СССР и постсоветских государствах в 1989–2003 гг. // Евроазиатский еврейский ежегодник 2004/2005 / Ред. И. Зисельс и др. Киев: ДухiЛiтера, 2005. № 5765. С. 78–91.
- Левинсон А. Об отношении к евреям в современной России // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4. С. 110–122.
- Мовшович Е.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону: Донской ИД, 2006.
- Отерштейн Т.М. Евреи Таганрога. Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. радиотехнического ун-та, 1999.
- Перетяцько А.Ю. Администрация Войска Донского и местная еврейская диаспора в 1860–1890 гг. // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2609–2621.
- Синельников А. Некоторые демографические последствия ассимиляции евреев в СССР // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1. С. 91–99.
- Смирнов С.Д. К вопросу о населении, рождаемости и смертности в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону: электропеч. М.И. Турцевич, 1905. Рис. 2.
- Сущенко В.А. Ковынева М.В. Обустройство евреев на донской земле и их укоренение в деловой элите города Ростова-на-Дону в XIX в. // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2019. № 1. С. 223–239.
- Тольц М.С. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные // Демоскоп Weekly. 2016. № 693–694. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/demoscope693.pdf>

Research Article

Suschiy, S.Y. Jews of the Don in the 19th – Early 21st Century: Geodemographic Dynamics and Reproductive Processes in a Regional Community [Evrei Dona v XIX – nachale XXI v.: geodemograficheskaia dinamika i vosproizvodstvennye protsessy regional'noi obshchiny]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 151–179. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010089> EDN: YDVTXH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergey Suschiy | <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> | SS7707@mail.ru | Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) (41 Chekhov St, Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Keywords

Jews, Don region, regional community, demographic dynamics, gender and age structure, reproductive process, settlement system, assimilation, mixed population

Abstract

The article analyzes the reproductive and migration processes, as well as the quantitative, spatial, gender, and age dynamics of the Jewish population in the Don region. It identifies the main periods of its geodemographic evolution in the 19th – early 21st centuries and examines the specificities of the settlement system and gender structure of urban and rural Jews. It has been established that the high level of urbanization and sociocultural modernization of the Don Jews activated the process of assimilation as early as at the beginning of the 20th century. Demographic losses of the community during the World War II predetermined its accelerated decline in the post-war period and further intensified assimilation tendencies. The reverse side of the growing assimilation since the 1920s–1930s has been the process of absolute growth and specific expansion of the regional group of mixed population with Jewish roots, which has not been recorded by the official statistics. For certain periods of the 20th – beginning of the 21st century, an assessment of this latent demographic component has been carried out. It is established that by the end of the 20th century, this group repeatedly exceeded the size of the ethnic core of the regional community and is currently a significant factor in the demographic reproduction and sociocultural life of the Jewish population of the Don region.

Funding Information

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences [project 122020100349-6]

References

- Altman, I.A. 2002. *Holokost i evreiskoe soprotivlenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Holocaust and the Jewish Resistance in the Occupied Territory of the USSR]. Moscow: Holokost.
- Gontmakher, M.A. 1999. *Evrei na donskoi zemle* [Jews on the Don Land]. Rostov-on-Don: Rostizdat.
- Gozulov, A.I. 1929. *Morfologiia naseleniia* [Morphology of the Population]. Rostov-na-Dony: Severo-Kavkazskoe kraevoe statisticheskoe upravlenie.
- Kevorkov, M.M. 2020. Holokost na territorii Rostovskoi oblasti vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [The Holocaust on the Territory of the Rostov Region during the Great Patriotic War]. *Vestnik Taganrogskego instituta im. A.P. Chekhova* 1: 250–255.
- Konstantinov, V. 2007. *Evreiskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke: sotsial'no-demograficheskii analiz* [The Jewish Population of the Former USSR in the 20 Century: Socio-Demographic Analysis]. Ierusalim: Lira.
- Kupovetskii, M. 2005. K otsenke chislennosti evreev i “demograficheskogo potentsiala evreiskoi obshchiny” v SSSR i postsovetskikh gosudarstvakh v 1989–2003 gg.

- [On the Assessment of the Number of Jews and the “Demographic Potential of the Jewish Community” in the USSR and Post-Soviet States in 1989–2003]. In *Evro-aziatskii evreiskii ezhegodnik* [The Eurasian Jewish Yearbook], edited by I. Zisels et al., 78–91. Kiev: DukhiLitera.
- Levinson, A. 2018. Ob otnoshenii k evreiam v sovremennoi Rossii [On the Attitude towards Jews in Modern Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniia* 3–4: 110–122.
- Movshovich, E.V. 2001. Pechal’nyi yubilei [Sad Anniversary]. *Donskoi vremennik* 8: 104–109.
- Movshovich, E.V. 2002. Holokost v Rostovskoi oblasti: unichtozhenie evreev na Nizhnem Donu i v Vostochnom Priazov’e [The Holocaust in the Rostov Region: The Extermination of Jews on the Lower Don and in the Eastern Azov Region]. *Donskoi vremennik* 10: 81–85.
- Movshovich, E.V. 2006. *Ocherki istorii evreev na Donu* [Essays on the History of the Jews on the Don]. Rostov-on-Don: Donskoi ID.
- Oterstein, T.M. 1999. *Evrei Taganroga* [Jews of Taganrog]. Taganrog: Izdatel’stvo Taganrogskogo gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta, 1999.
- Peretiatko, A.Y. 2020. Administratsiia Voiska Donskogo i mestnaia evreiskaia diaspora v 1860–1890 gg. [Administration of the Don Army and the Local Jewish Diaspora in 1860–1890]. *Bylye gody* 4: 2609–2621.
- Sinelnikov, A. 1994. Nekotorye demograficheskie posledstviia assimiliatsii evreev v SSSR [Some Demographic Consequences of Assimilation of Jews in the USSR]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve* 1: 91–99.
- Smirnov, S.D. 1905. *K voprosu o naselenii, rozhdamosti i smertnosti v Rostove-na-Donu* [On the Issue of Population, Fertility and Mortality in Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: elektropechat’ M.I. Turstevich.
- Sushchenko, V.A., and M.V. Kovyneva. 2019. Obustroistvo evreev na donsnoi zemle i ikh ukorenenie v delovoi elite goroda Rostova-na-Donu v XIX v. [The Arrangement of Jews on the Don Land and Their Rooting in the Business Elite of the City of Rostov-on-Don in the 19 Century]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 1: 223–239.
- Tolts, M.S. 2016. Evrei na postsovetskom prostranstve: novye demograficheskie dannye [Jews in the Post-Soviet Space: New Demographic Data]. *Demoskop Weekly* : 693–694. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/demoscope693.pdf>
- Voitenko, E.A. 2005. Kholokost na Yuge Rossii v period Velikoi Otchestvennoi voiny: 1941–1943. [The Holocaust in the South of Russia during the Great Patronymic War]. PhD diss. Stavropol’skii gosudarstvennyi universitet.
- Volkov, A.G. 1989. Etnicheski smeshannye sem’i v SSSR: dinamika i sostav [Ethnically Mixed Families in the USSR: Dynamics and Composition]. *Vestnik statistiki* 7: 12–26.
- Vorobiov, N.Y. 1957. *Vsesoiuznaia perepis’ naseleniia 1926 g.* [All-Union Population Census of 1926]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel’stvo.